

Н. Келли.

**

В стране далекой, но родной,
На старом брошенном кладбище
Под белоснежной горой
Бездомный ветер в поле рыщет.

Давным - давно там спит мой дед,
Мой дед седой артиллерист.
Уж столько мертвых, страшных лет
Шумит над ним вербовый лист.

Его могильный тихий сон
Лишь ветер северный тревожит,
Никто от самых похорон
Цветов на холмик не приносит.

Вокруг шуршит стеной бурьян,
Подынь струится медом к небу,
Да Дон под игром северян
Ведет с сухой кугой беседу.

**

От Черного моря и Уралу
По грани Кавказских твердынь,
Где Терек грохочет удалый
Кавказию мы создадим.

Мечту удалцов атаманов
Однем в горячую плоть...
Потомки Сары - Азманов
Вновь будут врагов колоть!..

Виктор Карпушкин

Казачий клад

Над рекой туман кисей висит,
За рекой курган-богатырь стоит.
По ночам с него черны вороны
Разлетаются во все стороны.

А в кургане том клад закопанный,
Дубовой доской заколоченный:
На доске замки в три ряда висят;
По ночам огни из замков горят.

Подойдет ли кто без ключа открыть —
Замковым огнем у доски сгорит.
Не простой то клад — заколоченный,
Нет рубинов в нем, нет ни золота.

А зарыта в нем воля вольная,
Казачья - дедов доля прошлая.
Никому тот клад не окажется,
Лишь сынам степным он покажется.

Эй, сыны степей! Гей! Колаченьки!
Не терять ключей, что вам дадены!
Уж пора пришла те замки отбить
И Казачий клад с под доски отрыть!..

Врно VII. 1936.

САНЖА БАЛЫКОВ.

Ассараев сон

Другу доброму, соратнику крепкому Шамбе посвящаю.

I.

«...в калмыцкой орде смятение великое идет оттого, что после смерти старого хана Аюки нойоны и тайши не знают кому из них быть на престоле хановом. А каждый, кому хотится стать ханом, к нашей помощи прибечь готов, и я Вашего Императорского Величества именем могу поставить в голову сих беспокойных кочевников того, на кого Вашему Императорскому Величеству указать угодно будет. Изю всех тяжущихся нойонов наиболее мягок, к нам больше доверчив и к спиртному приверженность имеет Дондук - Дани, и его в видах пользы Российской Империи следует провести в ханы калмыцкие. А понеже оный Дани шансов меньше протчих имеет, то Вашему Императорскому Величеству верным из благодарности будет. К тому же, если малолетнего сына его в аманаты получить, то у Вашего Императорского Величест-

ва верноподданного и доверенного в добром послушании он будет, и как я повелю то так и учинит. А сына его возьму в аманаты хитростью, ибо для пользы отечественной нехриста обмануть не грешно. А получив же его сына, обратно не выдам, ибо у калмыцкой орды от междоусобных неладов нету уж той силы, и ныне с Астраханским гарнизоном всю степь пройти возможно. Как посему делу Ваше Императорское Величество высочайше повелеть соизволит, то так и учиню.

Вашего Императорского Величества
верноподданный

Генерал-манор Бестужев-Рюмин.

город Астрахань».

II.

«Славному Нойону Калмыцких родов Дондук-Дашни от Ее Императорского Величества Императора Всероссийского честь имею передать доброе пожелание. Его Императорскому Величеству zelo приятно бы было знать, что во главе всех калмыцких родов, нойонов и тайшей, на престоле славного хана Аюки, оный же был другом России, оказался достойный нойон и наш друг Дондук - Даши. В знак милостивого к Вам благорасположения, Ее Императорское Величество высочайше повелеть соизволило о посылке Вам боченка старого меду, ведра водки, три пуда сахару и десять чувалов пшеничной муки, каковые монаршие гостиницы при сем писании с майором Кольцовым и эскадронном солдат посылаю в вашу ставку. В милостивом же попечении о том, чтобы не токмо Вы, но и ваш наследник достойно над своим народом занимал ханский престол, Ее Императорское Величество оказывает Вам еще одну монаршую милость, а именно: Во вверенной мне крепости Астрахани велено отвести лучший дом с лучшим же убранством, дабы в доме том, в холе и довольстве, проживал ваш сын и наследник, обучаясь у разных царских людей наукам. Подробный же разговор о том, как Вам ханом стать, о протчих монарших к Вам милостях и как наследника Вашего с великим береженьем и почестями в Астрахань доставить имею желание говорить лично и коль ежели Вам угодно будет, сообщите с оным майором Кольцовым о времени, когда могу прибыть к Вам в ставку.

Готовый к услугам Комендант
крепости Астрахани

Генерал-майор Бестужев - Рюмин.

III.

Небрежно накинув на плечи широкий, черный шелковый бешмет, с золотым позументом по вороту, серебристыми шипчиками выдергивая волоски из редкой бородки, с блестящими от выпитого вина черными глазами, по калмыцки скрестив под собою ноги, на подушке из конских волос в расшитой наволочке из черной мягкой козловой кожи, в своей громадной белой нойнской кибитке сидел Дондук-Дашни перед постелью, влево от очага.

Напротив, перед постелью, вправо от очага, на белоснежном стеганом полстяном ширдыке, с обеспокоенным лицом, сидела жена нойона, женщина средних лет, в нарядном голубом халате, с чисто и правильно сделанным пробором на черноволосой голове и с приятной смуглой наружностью.

Возле нее, прижавшись к ее плечу, стоял круглолицый мальчик лет 6-7. На светлом детском личике его светлились большие, не по-детски внимательные, терново-черные глаза. Нежные черные волосы его были тщательно зачесаны назад и падали на плечи. Одет он был

в белый атласный бешмет и подпоясан зеленым кушаком.

На самом почетном месте, против очага, на разостланном большом пушистом бухарском ковре, облокотясь на груды подушек в разноцветных атласных наволочках, сидела уже седоголовая, пожилая крупного роста женщина с энергичным взглядом в еще не потухших глазах, крупными чертами лица, в белом шелковом халате. Возбужденным голосом, едва сдерживая гнев, чеканя каждое слово, она говорила:

— Что может быть постыднее того, когда мужчина дерзнет не по уму и достоинству? Что может быть печальнее того, когда у народа недостойный и непопулярный глава?! Мой муж, Аюка хан, был великий человек. Тебе ли мягкосердному, без ума острого и глубокого, с твоею слабостью к напиткам, занимать его трон?! Нет! Только Дондук-Омбо уродился в своего великого деда, только у него орлиные крылья, львиное сердце и голова мудреца. Только его я и благословлю!. А тебе Дондук - Даши я, ханша Дарма - Бала, запрещаю искать трон при помощи орусов. Не зови на помощь орусов, не верь им, они вероломны, у них в глазах нет правды, и они так глубоко у них сидят. Если они тебе предлагают помощь и обдаривают, то значит есть в этом задняя цель.. Вот они хотят взять в аманаты твоего сына единственного, чтобы тебя в куклу в своих руках превратить. Это неслыханное дело!. Калмыцкие ханы никому еще аманатов не давали!. Это допускали ханы, мирзы и беки мелких и слабых народов. Горе тому хану, кто пойдет на этот позор первым из ханов калмыцких! Это говорю тебе я, ханша Дарма-Бала. Со мной и великий Аюка считался. Не подумай, что народ забыл свою старую ханшу, без моего одобрения, он тебя не станет почитать. Скажу тебе в лицо — великий Аюка хан из всех владетельных нойонов тебя считал самым неудачным!..

Слушая ее резкие и хлесткие слова, Дондук-Дашни то бледнел, то краснел, беспокойно ерзал на своей козловой подушке и, бросив выщипывать бородку, нервно крутил свои тонкие длинные редкие усы. Когда Дарма-Бала кончила говорить и, пододвиг к себе мальчика, стала его молча ласкать, Дондук - Дашни откашлялся и глухим голосом отвечал:

— Я имею право на трон по рождению. Разве я мужчина недостойный управлять народом?.. Разве мой улус беднее иных улусов?.. Ваш любимец Дондук-Омбо тоже не подпирает ладонью небо.. Зато у меня могучий покровитель—Белый хан Московский, Бестыжий-Урумни—мой друг. Они хотят меня видеть на троне калмыцкого хана. Они меня поддержат. А вы, бабушка, живите себе в полное удовольствие, молитесь Богу, живите долго, но в дела ханства не вмешивайтесь теперь. Так лучше будет. Если вы умная женщина, то должны помнить старичье слово: «козья головка не для церемоний, а бабья не для управления».. Через месяц Белый хан орусов ханскую шапку, саблю и дорогую шубу с почетными послами пришлет. А, Бестыжий-Урумни конное и пешее войско при пушках приведет. Много водки и мяса будет, весь народ напою и накормлю на

моей тронной свадьбе. Скачки и борьбу с большими призами назначу. Из пушек орудия будут много раз палить, когда я на трон сяду. Великое будет торжество... Если меня признаете, вас выше дам, рядом с собою на почетном месте посажу, а потом и жалованье от Белого хана испрошу...

— И тени моей не будет на твоём пьянстве с орудиями!.. И не такого гостя, как твой Бестыжий — Урумин выдавала я в моей кибитке!.. Божественного Белого хана Петра принимала у себя и за одним столом ела!.. А ты сына родного закладываешь и народ в кабалу ведешь, зовя орудия решать дела нашего ханства. Да... посмотрим — удастся ли тебе это. Верно, увижу я, как богатырь Дондук — Омбо тебя, пьяного за ногу стащит с трона, перешагнет через тебя и место великого дела займет!.. А тебя я не только за хана, но и за мужчину хорошего не считаю!.. Да будет презренно твоё имя в веках!.. — в гневе великом выкрикнула грозная старуха и, топнув ногою, твердыми шагами вышла из кибитки!..

В калмыцкой степи начиналась великая неурядица. Нойоны замесались от одного претендента к другому, зацвела шитрина, строились и разрушались коалиции, и глухо волновались степная чернь.

Торжественное возведение русской властью на ханский престол Дондук — Даша успокоения не внесло. Решительный и толковый Дондук — Омбо, поощряемый советами влиятельной старой ханши Дарма — Бала, с двадцатью тысячами семей перешел границу России, расположился за Кубанью и, совместно с татарами и черкесами, начал грозить шабегам. Российское Правительство, оставив Дондук — Даша, завело с ним почтительные переговоры. Дондук — Даша без просыпу занял...

IV.

В богато обставленном доме, в довольстве и с добрым уходом содержится в Астраханской крепости аманат (заложник) калмыцкого хана Дондук — Даша, его единственный сын семилетний Ассарай. Вкусная еда, много невиданных и диких игрушек — все есть у Ассарая. Но тих и грустен мальчик уже много месяцев. Хотя и способным оказался (быстро научился говорить по-русски), но неохотно он учился грамоте. Ни к кому он не привыкал и дичился всех, только с бородатым солдатом, который его каждое утро одевал, а по вечерам укладывал спать, Ассарай вступал наедине в разговоры. В тихом ворчаньи и в грубых руках старого солдата он чувствовал доброту и душевную мягкость.

Любимое занятие Ассарая — это влезть на крышу дома и, подперев щеки ладонями, часами глядеть на кусок степной дали, что виднелся на западе за крепостной стеной. А еще больше любил Ассарай спать. Как только наступали сумерки, он уже просился в постель, а по утрам, проснувшись, подолгу лежал, зажмурив глазки, и тогда на губках его дрожала улыбка!..

— И чивой ты это так любишь спать Асурай, аж-

как нехуляет ты весь чисто?! Как много игрушек у тебе, целый дом, двор, а харч какой добрый, а ты все на крыше спишь, али и постели лежишь!.. — добродушно укорял Ассарая бородатый солдат, одевая его к завтраку.

— Спать хорошо. Когда спать, я не тут, а там — там!.. Табуи большой вода в речка плет!.. шумит так, а жеребенок хвост так и бегаёт у вода!.. За речкой широкый ровный земля, а небо синее — синее, там!.. там — белый туча!.. А там большой — большой хотон, а наш кибитка близка стоит, моя мама меня зовет, я бежал — бежал, а ноги на месте!..

— Ты кажный раз это видишь, когда спишь?

— Много — много раз, как глаза закрывал, так уже!..

— Вот оно што!.. по дому значитца!.. плохо, сам знаю, — пробурчал под усы старый солдат, ведя за руку Ассарая, чтобы умыть и причесать его!..

Прошел еще месяц — два, наступила зима, а нехудалый Ассарай уже лежал. Ни на что он не жаловался. Все молчал, закрыв глазки, а к пище едва дотрагивался. Присланный из Царицына немец — доктор ничего не мог определить, осмотрел, покачал головой и уехал!..

В одно утро Ассарай не проснулся. Маленькое светлое личико его было как восковое. Под заострившимся носиком в кривой улыбке застыли тонкие губки, окаляя ряд мелких белоснежных зубчиков, неподвижные черные очи были полуоткрыты. Старый солдат потрогал его руки, голову, засунул руку под мышку, и с тихим вдохом нагнулся на него одеяло. Потом он перекрестился над трупиком мальчика и вышел.

V.

В большом хотоне — ханской ставке великое беспокойство: взвод конных солдат доставил из Астрахани труп ханского сына Ассарая, «отравленного» русскими. С быстротою летнего степного пожара разлилась по калмыцкой степи ненависть к русским, «отравившим» невинного мальчика. Смерть его предостерегающим громом поразила степь, и она лучше нойонских призывов объединила калмыков. Чтобы собственными глазами увидеть невероятное злодеяние русских, стеклась в ставку Дондук — Даша вся степная знать и именитые богатыри.

С пьяным плачем и воем валялся в бессильной злобе опустившийся непризнанный народом хан Дондук-Даша. Среди степной аристократии не было ныне человека, более презренного, чем он. Отвернулись от него и покровители русские, ибо за ним не было народа.

Большая ханская кибитка гудела нестройным гулом голосов. Но вдруг воцарилась тишина. Вошла Дарма — Бала. Ни с кем не здороваясь, она подошла к гробику Ассарая и, точно спеша, заговорила:

— Нойоны, богатыри и калмыцкие мужик!.. Вот перед вами тело безгрешного существа, вашего меньшого родоовитого брата, замученного бессердечными орусамн. А о чем вы думаете, в какую сторону бежит ваш

ум?.. Вы должны твердо заставить в умах то, что судьба этого мальчишка ожидает всех вас, славные воины и передовые мужи, если ваши пелады будете разрешать при помощи силы орусов. Отец им доверил единственного сына, а орусы вот что сделали!.. Мужик! Судьба народа, это — дело ведущих мужей. Дондук — Даши положил начало большому злу. Теперь орусы не оставят нас в покое. Великие беды несут нам орусы! Надо спасаться самим, надо спасать народ, ибо мы, ведущие, привели народ сюда, должны и вывести. Готовьтесь к уходу обратно в Эюнарию! Готовьте отпор ору-

сам! Не верьте ни одному оруссу; у них нет стыда! Ваши друзья — казаки, хасаки, мангаты, черкесы; их также завлакивает туман орусов.. Наш милый Ассарай любил и идею спать, ибо во сне он видывал вольную степь, родной хотон, голубое небо... Так запомните мои слова, слова старой спутницы великого Аюки: Зрите и во сне и на яву нашу степь вольною!..

— Слушаем Вас, аха-нойн-бана! — твердо и громко сказал нойн рода меркитов. В кибитке настала тишина. Нойоны и степные наездники, сжав челюсти, тискали в руках головки кривых сабель..

Страна Прометея

Что такое «культура»? Что такое поле? Что такое «культурное поле»? Чем отличается культурное поле от дикого? Пойдемте в поле и присмотримся. — Вот заброшенный пустырь. Быть может, когда-нибудь и здесь росли полевые злаки; и заботливая рука старательно выпалывала плевелы и помогала полю давать добры всходы. Но сейчас — какие-то фантастические разросшиеся буйки и чертополохи торжествуют на всем пространстве пустыря. Кое-где проглянет Бог весть как попавший сюда аюкни глазок, местами скромной семей цветут незабудки.. но что значат эти убогие островки сравнительно с морем пустоцветов, колючек, крапивы и прочих проклятых Богом и природой дикарей, пышно овладевших землей и отравляющих воздух своим нечистым дыханием?.. А вот, неподалеку, лежит возделанное — культурное — поле. И здесь каждый стебель хочет жить, хочет иметь солнце и влагу. Однако, при самом внимательном взгляде вы не найдете и следов той дикой борьбы и того отвратительного торжества сильнейшего (и шире худшего!), которое характерно для «дикого поля». И на возделанном поле встречаются сорные травы, но они робки и принижены: они стелятся вдоль земли, ползут и лишь тогда счастливы, когда неприметны. Правда, по недосмотру случается иногда и среди возделанного поля заметить не в меру выросшего урода-пустоцвета. Но едва обнаруженный — он исчезает бесследно: его выкидывают прочь..

..Но что поле! Полевые масштабы ничтожны! Чтобы рассмотреть законы жизни культурного или дикого поля, вы должны исходить, нагибаться.. То ли дело лес! В лесу все нагляднее, яснее и проще. Представьте себе так называемый девственный лес, тропический или северный, вроде Сибирской тайги — безразлично. Представьте себе трагическую борьбу титанов — дубов или сосен, когда где то далеко наверху их ветви бьются за воздух и солнце, а внизу, на трудно обозримом пространстве, происходит непрерывная жестокая схватка миллионов корней и корешков — за жизнь за то, что бы «мне» отвоевать от «тебя» как можно больше питательных соков земли.. И нет никаких сдерживающих начал этой борьбы; они происходят в суровом молчании. Свидетели ее — другие деревья и кустарники, потугие лианы, колоссальные травы.. все это не устает в смертельной схватке душить друг друга, ибо если не погибнешь ты, то погибну я; каждому кажется, что мир существует лишь для него и что мир — это и есть вот этот кусочек земли, воздуха и света, к завладению которого направлены все его силы. Так именно выглядит девственный лес; законы именно его суровые хищнические законы жизни. Но посмотрите на лес культурный. И здесь может быть разница между громадным дубом и маленькой

нежной березкой. Но перед Небом — они равнодостойны в своем стремлении шириться, расти и цвести. И если жизнь гигантского дуба не исключает жизни березки, то так случилось потому, что заботливая рука отвела достаточно места дубу и достаточно места березе. Возделанным, культурным этот лес стал после того, как между деревьями были установлены отношения взаимного признания права на жизнь, и счастье одного из них не строилось непременно на несчастье другого.

Я вспоминаю картины леса и поля невольно. Они сами приходят в голову. Когда я вижу громадный город — я говорю себе: вот дикий лес. Вот на этом месте, где сейчас воздвигается десятиэтажный дом, еще так недавно стояло два приземистых уютных дома. И я знаю, что в каждом из этих домов жила по семейству, и жизнь они здоровой радостной жизнью; одна семья бывала у другой и они делили между собой свои невзгоды и удачи.. А теперь тут будет стоять машина и десять этажей и сто пятьдесят квартир. Если сегодня ночью мой сосед по квартире приведет к себе столетнюю старуху в колье и алмазных серьгах, и изнасидует ее и потом зарежет, то я узнаю об этом лишь завтра или послезавтра, из газет. Газеты будут, конечно, обнародованы такому происшествию. Только подумайте: какое количество жирно набранных строчек!!!. Но условия жизни в десятиэтажном доме не изменятся. Через несколько дней или неделю в другом этаже, какой-нибудь всеми любимым учителем или пастырем, по бедности и ничтожности своей профессии не имеющий прилуги, внезапно заболел, да так, что и встать не сможет. Ну, и что же?! На кого надежда у тебя, дорогой учитель? На почтальона, на случайного сборщика пелла или контролера электрической станции? Да, если они придут — ты спасен. А нет — ты можешь подышать спокойно. Ты — в десятиэтажной пустыне. И если все-таки судьба улыбнется тебе, и тебя отвезут в обществуемую больницу — будь покоен!!! Тебя не забудут; когда ты умрешь и смерть твоя даст несколько газетных строчек — за гробом твоим, пожалуй, пойдет, десяток повес и зенак, поверивших газетному писке, что ты знаменит и пользовался при жизни всеобщей любовью..

И вот, я иду по городу, как по дикому полю. Я вижу великолепное здание — это почта. Направо, у входа, лежит беззачетное существо. Оно продает газеты. Идет снег и снежинки надают на хрупкий товар беззачетного существа. Существо, боясь за товар, прячет его под почто, напоминающее шаль и служащее покровом от холода. А пока происходит эта незаметная драма, на ступеньках почты стоит молодой человек, нервно постукивающий каблучком лаковых ботинок. Он читает от душиительно шипущий листок бумаги какого-то необык-